

СЛЕД В ЖИЗНИ

Исай Калашников

И ЕГО КНИГИ

«...И СОЧУВСТВИЕ К ЛЮДСКОЙ БОЛИ»

Маргарита
ЛОМУНОВА

...Высокое степное небо. Проклятые солнцем тела сопки. Ни кустика на них, лишь на горизонте темнеет гребешок леса. Небо, степь, сопки — все насквозь пропитано терпким духом полыни... Такой я вспоминаю землю его детства...

Здесь, в забайкальском селе Шаралдай, где деревенские порядки почти сплошь из закаменевших, рубленых еще прадедами изб, вдруг ясно увидишь давний день...

...Стадо разбилось по холмам. Пастушонок, мальчонка еще, чуть не вдвое перегнувшись на лошади: уткнулся в книжку, не видит, не слышит ничего. «Исайка-а-а!» — истошный крик дружка, такого же малого, возвращает пареня на эту землю.

Односельчанам он так и запомнился: мальчишка с большой брезентовой сумкой через плечо, набитой книгами. А библиотека находилась в райцентре, километрах за двадцать от села. Сколько раз, обутый в рваные, потертанные ичиги, мерял он эти версты...

В войну Шаралдай, как и вся страна, жил трудно.

«Мы росли без особого призора, самостоятельно вырабатывая понятие о жизни, — вспоминал эти годы Исай Калашников. — В трескучие морозы приходилось с утра до вечера бродить со стадом по засыпанным снегом полям... Мы едва вышли из детского возраста...»

Книги были его страстью. А ведь рос будущий писатель в старообрядческой семье, атмосфера которой вовсе не содействовала «мирскому» чтению. Отца в селе не было, мать от зари до зари в колхозе. Единственной хозяйкой в доме оставалась бабушка.

«С лицом неистовой боярыни Морозовой. Она безмерно страдала, когда я стал учиться в школе. Любая нинга для нее, кроме полупудовых фолиантов со словом божьим, была откровением антихриста...»

За Байкалом, в Бурятии, немало встретится старых русских сел. Обратят на себя внимание темные избы, перегороденные особым, по раскольниковскому обычаю на две половины. Нет-нет мелькнет на сельской улице старуха, одетая в широченный яркий сарафан покроя, непривычного для срединной России.

Вплоть до конца XVIII века шли в этот край ссыльные семьи староверов, получившие прозвище «семейских». Шаралдайские ребята были слышаны о том, как «каналы-маяли, гнули, мытарили мужиков... но семейские твердо стояли на своем», оберегая веру...

В годы гражданской войны Шаралдай оказался в водовороте грозных бурь. И сейчас старики укажут место, где посреди сельской улицы воротами стояла виселица. Здесь приняли смерть от рук японских интервентов и семеновцев партизаны Шаралдаев, окрестных сел.

...Спускались на Тайшихину пады сумерки, и перед ребятами, что работали в войну на ферме, проносились те огневые годы. За старшего был у них Афанасий Филиппович Архипов. Человек замечательной судьбы, хоть и грамоте мало обучен. Сражался в отряде Лазо, партизаном воевал против семеновских банд. Его влияние на будущего писателя несомненно. Рассказы Архипова пробуждали в душе подростка интерес к истории родного края, к удивительной судьбе своих земляков.

В 1950 году семья Калашниковых переезжает в Итанцинский леспромхоз. Здесь другая — лесная Бурятия раскрылась будущему писателю. Спустя годы она придет в его книги «Подлесок», «Через топи», даст темы творчеству...

Исай Калашников работает на валке леса, погрузчиком в мастерских. Ночами занимается. Огромная тяга к знаниям была у юноши. Всего четыре класса окончил в Шаралдае. Здесь, в Итанце, сдает экстерном за 9 классов, поступает в вечернюю

школу, в десятый. Вот как рассказывает учитель итанцинской школы Е. Н. Романовский, ставший прототипом одного из героев романа И. Чернева «Семейщина», о своих встречах в ту пору с будущим писателем. Как-то, было это в 1951 году, Романовский задержался в школе до позднего вечера.

«Вдруг в учительскую входит паренек лет 19, спрашивает, нельзя ли взять каную-нибудь книгу из школьной библиотеки. Ключи от книжных шкафов были у меня. Открываю один, другой — все читал. Я удивился: простой рабочий паренек, а прочитал так много... Это был Исай. Он рассказал мне о своем детстве, о Шаралдае... Я любовался, глядя на него. Одетый небогато, в хлопчатобумажный пиджачок, он был очень красив — чистой, русской красотой...»

Его очерки, рассказы уже появляются в республиканских газетах. В Итанце он приступает к работе над своим первым большим произведением — романом «Последнее отступление». Роман был впервые опубликован в журнале «Свет над Байкалом» в 1959 году.

Глубокое знание психологии семейского крестьянства, изучение документов позволили молодому литератору создать правдивое произведение о гражданской войне в Забайкалье, раскрыть историческую неизбежность прихода семейских крестьян в революцию. Этот приход был подготовлен уже самой трагической судьбой семейщины. За века угнетения у изгнанников накопилась неистребимая ненависть к державной власти.

Да и согласие семейских было «лишь видимость», — писал И. Калашников. — Какое может быть согласие между богатым хозяином и батраком? Какое согласие могло быть между молодостью, изливающей свою душу в веселой песне и искрометной пляске, и сдоборным уставщиком, ревнителем веры, для которого песня и пляска есть увеселение сатаны?»

Неоднородный предстает перед нами семейщина: уже с первых страниц романа, и, как ни богато она, струя свежего воздуха вливается и сюда, в глухое старообрядческое село. Новое приходит с политическим ссыльным, учителем, с теми бедняками, что вернулись искалеченными с опустыленной народом мировой войны, вернулись к пустым закромам, к горю близких своих.

Труден, сложен поворот семейских крестьян к революции. Молодые — те легче рвут путы семейщины, без страха вступают в неведомую доселе жизнь, попадают в город. Отгородившаяся было от всего мира семейщина берется за оружие, испытывает на себе самоотверженность семеновских банд.

В романе немало места уделено дружбе семейских крестьян с бурятами. Эта дружба окрепла в пору революционных битв. Крестьяне осознали, что, только объединившись с бурятским населением, столь же угнетаемым, они добьются победы над карателями, над богатеями.

Для молодого автора уже в первом его произведении характерно внимание к сфере нравственной. И в «Последнем отступлении», и в следующем романе о семейщине — «Разрыв-трава» (он был удостоен премии Бурятской АССР) — писатель, отображая жизнь забайкальского крестьянства в переломные исторические моменты, проследивает изменения в психологии его на примерах отдельных человеческих судеб.

Населенные разными действующими лицами, эти произведения составляют как бы дилогию, объединенную одной идеей: переход старообрядческого населения в Забайкалье на сторону Советской власти был неизбежен, подготовлен всем ходом исторического процесса.

...Кровавая кутерьма не обошла стороной Тайшиху, где разворачивается действие «Разрыва-травы». Немало здешних крестьян сражалось в партизанских отрядах. Советская власть установлена. А как жить дальше? Куда идти? Воевали за новую жизнь. Но как ходил Стиха Белозеров в рваные, так и ходит, Богатеи Пискуны из тех же партизан работными нанимают.

Те же трудности испытывает глухое забайкальское село, что и любая российская деревня. Вспомним «Вишневый омут» М. Алексеева, «Былинку в поле» Г. Коновалова — произведения, отразившие тот же период в истории русской деревни. Жизнь нарушила старое, а новых законов «не затвердила». Трудно зачинается новое, а здесь, в староверском селе, что веками блюло «истинную» веру, этот процесс протекает гораздо сложнее.

В романе «Разрыв-трава» мы станем свидетелями жизни семейского села начиная с 20-х годов нынешнего века. Коллективизацию, предвоенную пору, годы войны вберет в себя повествование.

Вернулись в село трое братьев Родионовых. В партизанах воевали. Три брата — три различные судьбы, три возможных пути для семейских крестьян. Характеры несхожие, но одно общее единит и братьев, и других жителей Тайшихи — любовь к земле, трудолюбие.

Метания, поиски и обретения старшего брата — Игната — наиболее полно отразили сложный процесс перелома в психологии семейского крестьянства. Игнат принимает на себя завет отца: хранить веру семейскую. Человек он честный, душа чистая. Правдолюбец. Один из тех русских людей, что мучительно ищут смысла жизни. Он — за колхозы, верит в них, но своим умом до всего дойти хочет. Скажется вековая крестьянская осторожность, усугубленная семейским недоверием, обособленностью. Злодейства бандита Стигнейки, «ревнителя веры», окончательно отвращают Игната от бога. Сложен его характер, нелегко идет по жизни. В частности к общему делу, к труду общему обретаем он счастье. Человек для того и появляется на земле, чтобы память о себе добрыми делами оставить, — вот вывод, к которому приходит Игнат.

Война с фашистами еще более сплачивает крестьян забайкальского села. Отдаленная от фронта не десятками — тысячами километров, Тайшиха живет в эти годы той же тяжелой жизнью, что вся страна. И у нее были свои защитники там, на западе. И не древними закостенелыми установлениями семейщины проверялись в войну поступки людей, а совестью, той совестью, что чутка к человеческой боли и радости.

Произведения писателя о семейщине явились, по сути дела, приступом к работе над историческим романом. И. Калашников отображает узловые моменты в жизни народа. Гражданская война, коллективизация, Великая

Отечественная. Эти события преломляются в судьбах персонажей, и те в свою очередь, становясь в ряды борцов за народное дело, сами вершат историю.

Еще в пору работы над «Разрыв-травой» у писателя возникает замысел большого исторического произведения об эпохе царствования Чингисхана. Сам писатель так трактовал идею романа:

«Находились и находятся люди, стремящиеся доказать, что грабительские войны Чингисхана были благом для народов, что они освободили их от застоя, вывели на путь внутреннего обновления. Несущий гибель — гибнет и сам — такова одна из основных мыслей романа».

Показать историческую обреченность идей мирового господства стало задачей художника.

В советской литературе эпоха захватнических войн Чингисхана нашла ранее отражение в известном романе В. Яна «Чингисхан». Произведение увидело свет в 1939 году. В Европе полыхал пожар войны. Целью Яна было раскрыть, что несет людям фашизм.

Отдавая должное роману Яна, его значению в осмыслении той эпохи, И. Калашников видел, что тема эта далеко не исчерпана уже хотя бы потому, что перед читателем Чингисхан предстал человеком зрелым, со сложившимися убеждениями.

«Мне, — говорил И. Калашников, — захотелось проследить его судьбу: как, в каких обстоятельствах складывался его характер, как обстановка влияла на формирование личности».

Откуда взялся «истребитель народов»? Что породило его? Вот вопрос, который волновал писателя. Вопрос, актуальнейший в наши дни.

У Калашникова был соблазн использовать любопытные моменты, запечатленные в древних летописях. В знаменитом «Сокровенном сказании», созданном через 13 лет после смерти Чингисхана, говорится, что Тэмуджин родился со сгустком крови в правой руке. Этот факт мог показаться заигранным. Писатель отшел от него, ибо то была попытка летописца объяснить появление Чингисхана «божественным» предопределением. Но если исключить «божественное», перед читателем явится изверг от рождения, с психикой, отклоненной от нормы. Такому предьявить обвинения трудно. Чингисхан предстает перед судом современности. И. Калашников выносит ему свой приговор, и этот приговор тем суровее, что перед нами обычный человек.

Судьбы многих племен и народов пройдут перед читателем. События обоймут огромную территорию — от степных просторов Монголии до стен Киева, от предгорий Тибета до южной Сибири, воскресят мрачную эпоху походов Чингисхана.

В романе две части — «Гонимые» и «Гонители». И уже в самих названиях — процесс деградации личности Тэмуджина, суть его роли в истории.

В годы кровавой вранды племен проходят жестокие и юности Тэмуджина, полные беззвездия и лишений. Сам жестокий век воспитывает его: «Или покорялся другим, или покорялся сам». И Тэмуджин приходит к убеждению: он сам должен стать сильным; будь у него сила, он избавит людей от того, что пережил сам, — от страха, голода, унижения. В этот начальный период деятельности Тэмуджина простые люди поддерживают его, отпрыска знатного рода, идут за ним. Кузнец Джарчиндай, выразитель взглядов народа, отправляет на службу к Тэмуджину сына своего, Джэлмэ. Как всякий простой человек, он не очень-то доверяет нойонам: все лезет «в повозку, и всем хочется править». Но Тэмуджин сам носил колоду раба, и ему ли не знать несчастий хану (бедняку)?

Психология Тэмуджина меняется не сразу. Еще преследуемый, гонимый, совершает

он свое первое преступление против человечности — убивает двух воинов Таргутай-Киритуха. Жестокость бессмысленная, не вызванная необходимостью. Но скоро она станет оружием в руках Тэмуджина, природы противоречивой, властной. И вот уже идея покорения мира овладевает им. Тэмуджину только кажется, что он выбирает иной путь, нежели тот, на который толкает его шаман: покорять сильных, чтобы самому стать сильнее. И ненависть его к шаману, сначала неосознанная, — это ненависть, рожденная стремлением обрести всю полноту власти, не деля ее и со служителем неба.

«Человек, не вольный в своих поступках, — раб. А разум раба сонлив и немощен. Раз и навсегда утвердившись в этой мысли, Чингисхан переступает через все и вся. Теперь легко оправдать любой поступок, любой выбор. Страшная философия «сверхчеловека», взятая на вооружение фашизмом».

Мановением его рунистребитель целые племена. Это уже не стихийное проявление жестокости, а целенаправленное уничтожение народов, способных и сопротивлению. Он не верит ни в дружбу, ни в родство. Только страх, считает он, удерживает людей под одной рукой: «Всели страх в сердце человека, и он твой раб». На страхе держится и его армия — разноплеменная, жаждущая добычи. Процесс разложения ее усугубляется.

А его народ? Дал ли ему Чингисхан обещанные покой и сытую жизнь? Есть в конце романа красноречивый эпизод. Старейший Чингисхан едет с друзьями юности в родные степи — вдохнуть животворного воздуха. Джэлмэ молча ведет его к темнеющей вдали старой юрте. Нищие одинокие старики доживают в ней свой век. Петер их сыновей сложили головы в чужих землях... Вот тот «покой», то «счастье», что принес Чингисхан своему народу.

Полное духовное опустошение, деградация, стужа одиночества — таков удел «покорителя народов» на исходе его пути. И ничтожен сам конец его. Он, убежденный, что вознесся над всеми смертными, «небесным благоволением» отмеченный, умирает от простой случайности — упав на охоте с лошади.

Много бедствий принес народам жестокий век. Но роман полон жизнеутверждающего пафоса, веры в несокрушимость добра и человечности. Этот гуманистический пафос произведения отметил газета «Правда». Залогом тому — душа народа, что «живет и дает жизнь всему живому»; да, «какой бы длинной зима ни была, за нею следует весна».

Работа над «Жестоким веком» заняла десять лет. Это был огромный, напряженный труд. И. Калашников изучил жизнь десятков племен, народов, их обычаи, уклад... Шесть раз переписывал он роман...

А сколько замыслов осталось незавершенными! «Темы обгоняют друг друга, как велосипедисты на шоссе», — признавался писатель. Читаешь его дневники — и поражаешься жесткой требовательности к себе, к творчеству своему. Это та высокая честность наедине с собой, которая заставляла литератора еще и еще раз переписывать листы, прежде чем отдать их людям. Размышляя, что же, кроме таланта, необходимо художнику для того, чтобы заставить человека и по прочтении книги переживать, думать, мучиться, он записал в дневнике: «Беспоощадная честность и ясность цели и сочувствие к людской боли». В этих словах — весь Исай Калашников.

Всю жизнь Исай Калашников прожил в Бурятии. Он любил эту землю. Уезжал ненадолго — и скучал по «синему небу над нею, синим сопкам, синим травам ее степей, ее запахам, ее песням». И признавался сам, что во время учебы на Высших литературных курсах в Москве тоска по дому прямо-таки схватывала за горло. И тогда слушал бурятские песни — они возвращали ему родной край...